

Котельникова Евгения Владимировна

**КОГНИТИВНОЕ АНАЛИТИЧЕСКИ-ОБРАЗНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ
РЕЧЕВЫХ АКТОВ ДИСКУРСА**

Статья рассматривает представление англоязычного дискурса в качестве когнитивной аналитически-образной абстрактно-конкретной фреймовой модели знания, видоизменяемой согласно ситуации общения, модели, наследующей основные синтаксические атрибуты исходного фрейма и образующей открытую систему. В процессе коммуникации слоты ментальных терминалов заполняются соответствующими частями речи и легко идентифицируемыми атрибутами темпорально-модального кортежа вспомогательных глаголов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 93-96. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Костров А. В.** Геополитический фактор в истории Кавказского региона // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). Ч. III. С. 84-86.
2. **Курбанов С. О.** История Кореи с древности до начала XXI века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. 680 с.
3. **Lankov A.** The Real North Korea: Life and Politics in the Failed Stalinist Utopia. Oxford University Press, 2013. 304 p.
4. **류환준, 英中韓 宗教字典** : 영중한 신학 용어사전 / 1판, 永門 (**Рю Хванчжун**. Англо-китайско-корейский словарь теологической лексики. Пекин: Ёнмун, 2002. 495 с.).

**THE GEOPOLITICAL FACTOR OF THE KOREAN LANGUAGE EVOLUTION
IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY
(BY THE EXAMPLE OF CONFESSIONAL VOCABULARY)**

Kostrov Aleksandr Valer'evich, Doctor in History
Irkutsk State University
a_kostrov@mail.ru

Lebedev Vasilii Vladimirovich
Korea University
kutuzkn@gmail.com

In the article the issue of geopolitical factor influence on the nature of evolution of confessional vocabulary in the north and in the south of the Korean peninsula is considered. Special attention is drawn to the geographical conditionality of the cultural specificity and, as a consequence, the specificity of the language development. The evolution of the language is studied in the context of political division of Korea in the period of the cold war and after that.

Key words and phrases: the south of Korea; the north of Korea; the Korean language; confessional vocabulary; geopolitics.

УДК 81'33

Филологические науки

Статья рассматривает представление англоязычного дискурса в качестве когнитивной аналитически-образной абстрактно-конкретной фреймовой модели знания, видоизменяемой согласно ситуации общения, модели, наследующей основные синтаксические атрибуты исходного фрейма и образующей открытую систему. В процессе коммуникации слоты ментальных терминалов заполняются соответствующими частями речи и легко идентифицируемыми атрибутами темпорально-модального кортежа вспомогательных глаголов.

Ключевые слова и фразы: коммуникация; фрейм; актуализация; дискурс; ситуация; наследование; моделирование; слоты.

Котельникова Евгения Владимировна, к. филол. н.
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
jenni.kot@yandex.ru

**КОГНИТИВНОЕ АНАЛИТИЧЕСКИ-ОБРАЗНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ДИСКУРСА ©**

Структурированная когнитивная картина мира основана на индивидуальной концептосфере, динамических механизмах познания и когнитивных стереотипах восприятия знаний. Плодотворным оказывается представление знаний о мире с помощью фреймов [2-4], как структур знания, при объяснении механизмов понимания и синтеза человеком дискурса, а также составляющих его речевых актов, которыми в процессе межкультурной коммуникации, как правило, передается наиболее важная часть информации.

Из множества способов образной формализации дискурса во многих случаях используется представление его фрейма-сценария в виде моделей когнитивной матрицы или разветвленной сети. В когнитивной матрице каждая клетка (терминал фрейма) является блочной матрицей, содержащей слоты, заполняемые при актуализации конкретными грамматическими и лексическими атрибутами. Сеть описывает иерархическую многоуровневую структуру графа, состоящую из вершин и связей между ними. На верхнем уровне сети содержится базовая информация о состоянии объекта, на низших терминальных слотах – конкретные значения и данные [2]. Различные фреймы определенных частей дискурса представляют в процессе коммуникации разные способы репрезентации одного и того же контента, реализованного общими терминалами.

Указанные модели применяются для концептуального анализа и с успехом используются при разработке механизмов реализации вышеперечисленных функций с помощью искусственного интеллекта. Однако

построенная на такой когнитивной основе модель ментальной системы дискурсивной практики языка сталкивается с существенными трудностями субъективной актуализации. Ввиду громоздкости структуры, сложности восприятия и использования такие модели с трудом увязываются в образные ментальные фреймы лингвистического знания индивидуальных концептосфер и часто неприемлемы для актуализации дискурса практической коммуникации. Эти модели приближенно описывают результаты индивидуального познания, процессуально-временные особенности протекания познавательных процессов в коммуникации, природу субъективной реальности, роль индивидуального сознания в различии познавательной активности [1].

Понимание и адекватная своевременная языковая реакция индивидуума могут не достигаться из-за отсутствия у субъекта в определенный момент необходимого фрейма, длительного времени случайного его поиска и заполнения слотов, актуализирующих соответствующие знания. Подобная ситуация часто возникает при пересечении разнокультурных индивидуальных и социальных концептосфер. Цель исследования – создание моделей дискурсивных ситуаций чередующихся реальных речевых актов дискурса на основе концептуально-образно-аналитического фрейма, свертывающего сеть и когнитивную матрицу в более общую аналитическую-образную структуру, опирающуюся на паттерновые сети «модульной парадигмы мышления» [6].

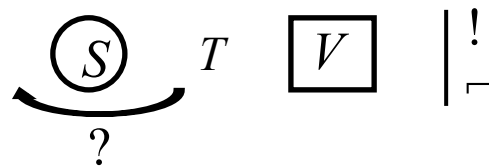


Рис. 1. Визуальная репрезентация фрейма

Фрейм является определенной целостной иерархической структурой модели знания типа «абстрактное – конкретное», упорядоченным объемом концептуальной информации, закрепленной в прошлом опыте и оперативно используемой индивидом из памяти в новой ситуации. Он выражен некоторой образной целостной сущностью ментального фрагмента действительности (Рис. 1), особенности актуализации которого изменяются в процессе коммуникации. Предполагается, что терминалы и слоты фрейма принадлежат ментальной модели, т.е. являются ментальными. Значения слотов терминалов размещены в языковом пространстве и при актуализации создают последовательности речевых актов различной модальности, образующие дискурс.

Символы S , T , V , $?$, $!$, $-$, а также надстрочные индексы \leftarrow , \rightarrow фрейма означают слоты терминалов подлежащего, вспомогательных глаголов, сказуемого, модальности (вопроса, утверждения, отрицания) и времени, соответственно. Для вопросительных предложений слот терминала T в структуре фрейма перемещается на первое место.

Слоты терминалов в процессе коммуникации принимают значения, определяемые коммуникативной ситуацией: слоты S терминала подлежащего – множество существительных, личных местоимений; V – множество слотов терминала сказуемого; символы $?$, $!$, $-$ означают вопрос, утверждение, отрицание, соответственно; надстрочные индексы \leftarrow , \rightarrow принимают значения прошедшего, настоящего и будущего времени действия в темпоральной его соотнесенности с моментом настоящего времени.

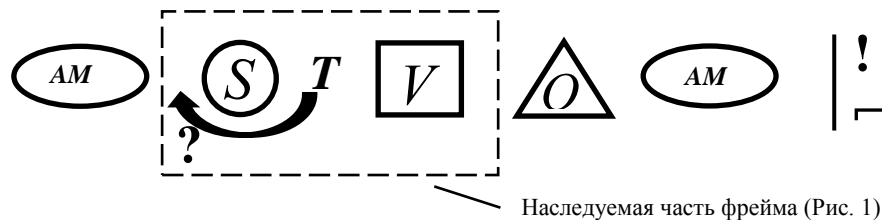
Слот терминала T использует темпорально-модальный кортеж вспомогательных глаголов ($\overleftarrow{0}$, \overrightarrow{will} , $\overrightarrow{will\ not}$, $\overrightarrow{do(does)}$, \overrightarrow{did} , $\overrightarrow{did\ not}$), каждое значение которых пересекается со значением \leftarrow , \rightarrow слотов терминала времени; $T = \overleftarrow{0}$, означает отсутствие слота терминала для утверждения (!) в настоящем и прошедшем времени (Рис. 2).



Рис. 2. Фрейм утверждения настоящего и прошедшего времени

Фрейм задает конструкции конечных речевых актов, предложений дискурса. При активации значений слотов S , T , V терминалов элементами семантического поля, синтезируемые речевые акты отождествляются с результатами понимания ситуации и интенциями адресанта. Фрейм, как открытая система, является динамическим и включает способ расширения и преобразования модели при переходе от одного речевого акта к другому.

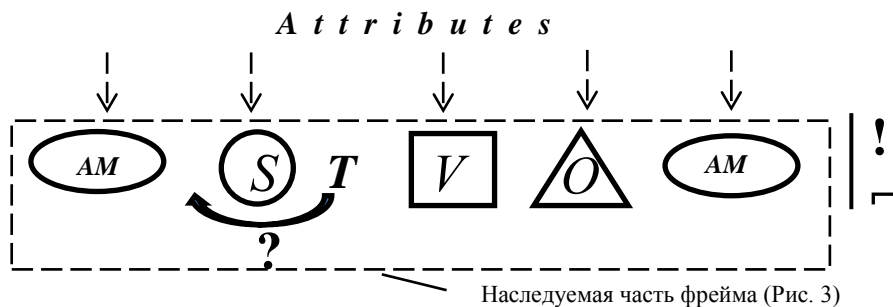
Актуализированный в новой ситуации фрейм в ходе коммуникации видоизменяется в соответствии с ситуацией. Естественным образом он может быть расширен до фрейма, содержащего терминалы и слоты дополнения O и обстоятельства AM (Рис. 3), а также определений *Attribues* (Рис. 4).



Наследуемая часть фрейма (Рис. 1)

Рис. 3. Расширенный фрейм

Фрейм (Рис. 3) является потомком исходного фрейма (Рис. 1), а фрейм (Рис. 4) – потомком фрейма (Рис. 3). Атрибутивные терминалы и слоты задают качественные особенности дискурса. При этом наследование наглядно выражено присутствием части структуры одних и тех же терминалов фрейма (Рис. 1) в новых фреймах. Наследуя синтаксические атрибуты исходного фрейма, потомки наделены новыми, не присущими исходному свойствами обстоятельств, дополнений, определений и образуют открытую систему.



Наследуемая часть фрейма (Рис. 3)

Рис. 4. Расширенный атрибутивный фрейм

Модель общения и приобретения знаний проектируется ментально с учетом особенностей процесса коммуникации, поведения коммуникантов, трудностей и критических моментов различных ситуаций. Коммуникация описывается как актуализация фреймов, отображающих речевые акты в виде предшествующих когнитивных процессов. Каждый фрейм системы представляет концептуально-аналитический образ некоторого множества дискурсивных ситуаций. Извлечение из памяти нужной пропозиции требует определенной актуализации фрейма с использованием кортежа лингвистических конструкций и значений слотов. Значения слотов объективирует дискурс. Понимая или передавая смысл, субъект «выбирает» одну из возможных их комбинаций. Каждый фрейм может легко модифицироваться и содержать новую информацию об особенностях его применения.

Использование обычных для дискурсивной практики экстралингвистических атрибутов (жестов, мимики, поз, пауз, интонаций, высоты, громкости голоса, дополнительных изображений, видео и др.) наполняет сообщение дополнительными смыслами и модальностью. Это позволяет во многих случаях не только осуществить передачу фактологического содержания, но и расширить общение до определенной степени приемлемого прагматического бытийного дискурса, способного учесть ряд информационных и контактоуставливающих особенностей системы языка [Там же].

Таким образом, индивидуальная концептосфера субъекта оперирует единым концептуальным образом фрейма в виде сжатой целостной сущности ментального фрагмента действительности. Фрейм составлен из терминалов и слотов, оперативно визуально и ментально репрезентируемых простыми графическими фигурами, аббревиатурами и символами, соответствующими линейной последовательности языковых элементов речевых актов дискурса, единственного правила перемещения слота терминала вспомогательных глаголов, а также очевидно и однозначно воспринимаемых надстрочных индексов темпоральности. В процессе коммуникации слоты терминалов естественно заполняются ограниченным числом интуитивно распознаваемых семантических значений, создавая относительно простые речевые акты дискурса. Этим обеспечивается возможность представления англоязычного дискурса в качестве когнитивной аналитически-образной абстрактно-конкретной фреймовой модели знания, легко ментально видоизменяемой и актуализируемой согласно случайной ситуации общения.

Список литературы

1. **Когнитивная психология** / под ред. В. Н. Дружинина, Д. В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. 480 с.
2. **Минский М.** Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 151 с.
3. **Разумовский О. С.** Инварианты и фреймы как объективные феномены и когнитивные конструкции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.nsc.ru/journals/philsience/800/05Razum.htm> (дата обращения: 04.09.2013).
4. **Филлмор Ч.** Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII. С. 50-70.
5. **Шуткин Л. В.** Парадигма модульного мышления в компьютерной науке и практике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.morepc.ru/informatisation/pvti-modular-thinking.html?print> (дата обращения: 04.09.2013).
6. **Щерба Л. В.** Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.

**THE COGNITIVE ANALYTICALLY FIGURATIVE MODELLING
OF LINGUISTIC CONSTRUCTIONS OF DISCOURSE SPEECH ACTS**

Kotel'nikova Evgeniya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Rostov State University of Economics
jenni.kot@yandex.ru

The article deals with the presentation of the English language discourse as a cognitive analytically figurative abstract-concrete frame model of knowledge which can be changed according to the situation of communication, model which inherits the main syntactic attributes of the original frame and forms an open system. In the process of communication the slots of mental terminals are filled up with proper parts of speech and easily identified attributes of the temporal-modal suit of auxiliary verbs.

Key words and phrases: communication; frame; actualization; discourse; situation; inheritance; modelling; slots.

УДК 82/821.0

Филологические науки

Статья поднимает вопрос о восприятии образа скандально известного критика и писателя второй половины XIX – начала XX века В. П. Буренина в пародиях начала XX века. Для анализа привлекаются сборники пародий А. А. Измайлова и Е. Венского, фельетоны и иллюстрации из журнала «Сатирикон». Подчеркивается, что во всех пародиях сатирической направленности подвергаются осмеянию бесчестные методы полемики и антисемитские выпады Буренина.

Ключевые слова и фразы: пародия; литературная критика; В. П. Буренин; А. А. Измайлов; Е. Венский.

Крылов Вячеслав Николаевич, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
krylov77@list.ru

ОБРАЗ В. П. БУРЕНИНА В ПАРОДИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА ©

Одним из любимых персонажей в пародийной литературе начала XX века был В. Буренин и те, кто считал себя его единомышленниками (как А. Бурнакин, перешедший в «стан» Буренина в 1910 г.). В последнее время к деятельности Буренина проявляется интерес литературоведения [7; 15]. Критика Буренина рассчитана на массовое сознание, ее составляющими элементами стали нападки на личность, провокация. Его критическая деятельность может быть рассмотрена в контексте *скандала* как стратегии творческого поведения критика, скандала как одной из категорий литературного процесса. Имя Буренина стало своего рода символом бесчестных методов полемики. А. И. Рейтблат приводит некоторый перечень ответных памфлетов против него представителей различных литературных направлений: В. М. Дорошевич («Старый палач»), А. М. Скабичевский («Литературные волки», «Новости и бирж, газета», 1902, 29 окт.), В. В. Стасов («Неизлечимый», там же, 1904, 2 окт.), А. Яблоновский («Старейший порнограф», «Речь», 1908, 26 апр.), В. Львов-Рогачевский («Под маской культуры», «Современный мир», 1912, № 2) и др. [9, с. 366].

Буренин в новое время воспринимался чаще всего как язвительный старичок, переживший свою эпоху. О нем З. Гиппиус вспоминала в статье «Книги, читатели и писатели» (1911): «Судьба его – печальная судьба непонятого неудачника. Кажется, он обладал поэтическими способностями, большим литературным вкусом и пониманием. Но почему-то осекся (еще в незапамятные времена), и навеки озлобился. Все свои способности он употребил на выработку яда, все литературное остроумие – на высмеивание, на грубый памфлет. <...> Вот уже лет десять, как Буренин потерял глаза и зубы. Он уже никого и ничего не различает, имена и лица для него смешались в один хаос, которого он бессильно испугался; он так «отстал» от литературы, даже внешне, что вместо прежних остроумных пародий царапает что-то наивно-невежественное и к делу не относящееся. <...> Злобная «критика» его свелась окончательно к двум словам: «жид» и «баба». Вся литература для него разделилась на две части: с одной стороны, жида, а с другой – бабы» [4, с. 378].

Составитель сборника «Русская критика современной литературы» (1912) писал: «Когда сейчас читаешь фельетоны г. Буренина, где, поистине, «эпиум чернил» разведен «елюною бешеной собаки», положительно недоумеваешь, куда же, наконец, делись те свойства критика, которые делали его не только опасным, а будто бы даже грозным когда-то» [13, с. 32]. Розанов писал, что Буренин «сильным пером своим отталкивает надвигающиеся сумерки, пытается удержать минувшие *ясные дни*» [12, с. 1114]. Для Куприна Буренин «обладал большим критическим талантом, теперь же мы видим брызжущего слюной желчевика» [8, с. 192].

Эту же линию восприятия Буренина, но в сатирически-гротескном виде, продолжают сатириконтцы. Фельетон «Веселые силлогизмы» С. Черного начинается с упоминания о Буренине: «Собаки бесятся летом. Буренин